

Научная статья

УДК 81'2

DOI: 10.18384/2949-5008-2026-1-60-70

ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНАЯ ОБЯДНОСТЬ СТАРООБЯДЦЕВ СЕЛА КУНИЧА (МОЛДОВА) В ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Войтенко А. В.¹, Подлеснова Р. И.^{2,3*}

¹Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация

²Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана, г. Москва,
Российская Федерация

³Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Российская Федерация

*Корреспондирующий автор, e-mail: rufin.porowi4@yandex.ru

Поступила в редакцию 25.08.2025

После доработки 17.10.2025

Принята к публикации 30.10.25

Аннотация

Цель. Дать этнолингвистическое описание погребально-поминального обряда старообрядцев села Кунича (Молдова), исследовать специфику лексикографической фиксации церковной и народной терминологии ритуала (допогребальные действия, похоронный день, цикл поминовения).

Процедура и методы. Исследование основано на полевых записях интервью с носителями идиома и культурной традиции (июль – август 2022 и 2023 гг.). Применены методы лингвистического анализа (семантический, сопоставительный) диалектной лексики и этнографической реконструкции обрядовых особенностей. Отмеченная лексика была рассмотрена в историческом и диалектном аспектах с привлечением сведений словаря И. И. Срезневского как единственного из существующих словарей, содержащего сведения о лексемах всего алфавитного списка, а также лексика погребального обряда села Кунича изучена с привлечением обширных данных региональных диалектных словарей.

Результаты. Дано последовательное описание архаичного и строго регламентированного погребально-поминального обряда, включающее допогребальные действия – исповедь, чтение отходной, приготовление тела к погребению (обмывание, одевание умерших, приготовление савана, положение во гроб), чтение Псалтыри, похоронный день – вынос тела, приношение кутии, обряд последнего целования, прощальная грамота – и цикл поминовения (третинки, девятинки, сороковой день, годовщинки). Выявлена высокая степень сохранности обряда, обусловленная культурной замкнутостью, характерной для старообрядческого населения в отношении иноэтнического и иноконфессионального окружения. Установлено, что большая часть проанализированной обрядовой лексики (например, *божница*, *гайтан*, *кут*, *могилки*, *рушник*) широко представлена в современном сводном диалектном словаре (СРНГ), а также в словарях донских, орловских, смоленских и курских говоров, что указывает на её принадлежность к общерусскому диалектному фонду.

Теоретическая и/или практическая значимость. Исследование восполняет пробел в изучении погребально-поминальной обрядности куничских старообрядцев, обогащая общий массив актуальных сведений для диалектологии и этнолингвистики. Полученные данные вносят существенный вклад в изучение географии русских говоров, подтверждая южнорусское происхождение старообрядцев Куничи, и демонстрируют глубокую взаимосвязь языка и культуры в условиях консервации архаичных форм. Практическая значимость исследования связана как с развитием этнолингвистики, её научным изучением, так и с преподаванием диалектологии, лексикологии, этнографии и этнолингвистики в высшей школе.

Ключевые слова: диалектная лексика, Кунича, погребальный обряд, русские старообрядцы, этнолингвистическое описание, южнорусские говоры

Для цитирования:

Войтенко А. В., Подлеснова Р. И. Погребально-поминальная обрядность старообрядцев села Кунича (Молдова) в этнолингвистическом аспекте // Отечественная филология. 2026. № 1. С. 60–70. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-1-60-70>.

Original research article

THE FUNERAL AND MEMORIAL RITES OF THE OLD BELIEVERS LIVING IN KUNICHA VILLAGE (MOLDOVA) FROM AN ETHNOLINGUISTIC PERSPECTIVE

A. Voytenko¹, R. Podlesnova^{2,3*}

¹*Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation*

²*Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russian Federation*

³*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation*

**Corresponding author, e-mail: rufin.popowi4@yandex.ru*

Received by the editorial office 25.08.2025

Revised by the author 17.10.2025

Accepted for publication 30.10.2025

Abstract

Aim. To provide an ethnolinguistic description of the funeral and commemoration rites of the Old Believers of Kunicha village (Moldova), to investigate the specifics of lexicographic fixation of the church and folk terminology of the ritual (pre-burial actions, the funeral day, and the cycle of commemoration).

Methodology. The study is based on field interview notes with native speakers of the idiom and cultural tradition (July – August 2022 and 2023). Methods of linguistic analysis (semantic, comparative) of dialect vocabulary and ethnographic reconstruction of ritual features were applied. The noted ethnographic lexicon was examined in its historical and dialectal aspects, drawing on information from I. I. Sreznevsky's Dictionary (*Slovar' drevnerusskogo yazyka*), as the only existing dictionary that contains data on the lexemes across the entire alphabetical list of picked vocabulary. Additionally, the vocabulary of the funeral rite in the Kunicha village was studied using extensive data from regional dialectal dictionaries.

Results. A sequential description of the archaic and strictly regulated funeral and commemoration rite is provided. This includes pre-burial actions such as confession, reading the *otkhodnaya* prayer (prayer for the departing soul), preparation of the body for burial (washing, dressing the deceased, preparing the shroud, placing in the coffin), and reading of the Psalter. It also covers the proceedings of a funeral day such as the removal of the body, the offering of kutia, the ritual of the last kiss, the farewell letter (or "commemorative epistle"), and the commemoration cycle (*tretinki*, *devyatinki*, *the fortieth day*, and *godovshchinki* (anniversaries)). A high degree of ritual preservation was identified, which is attributed to the cultural isolation characteristic of the Old Believer population in relation to their surrounding interethnic and interconfessional environment. It was established that most of the analyzed ritual vocabulary (e. g., *bozhnitsa*, *gaytan*, *kut*, *mogilki*, *rushnik*) is widely represented in the modern consolidated dialect dictionary, as well as in the dictionaries of Don, Oryol, Smolensk, and Kursk dialects, indicating its affiliation with the general Russian dialectal background.

Research implications. The research fills a gap in the study of the funeral and memorial rites of the Kunicha Old Believers, enriching the overall body of current information for dialectology and ethnolinguistics. The data obtained make a significant contribution to the study of the geography of Russian dialects, confirming the Southern Russian origin of the Kunicha Old Believers, and demonstrate the

deep interconnection of language and culture in the context of the preservation of archaic forms. The practical significance of the research is related both to the development and scholarly study of ethno-linguistics and to the teaching of dialectology, lexicology, ethnography, and ethnolinguistics in higher education institutions.

Keywords: dialectal vocabulary, Kunicha, funeral rite, Russian Old Believers, ethnolinguistic description, Southern Russian dialects

For citation:

Voytenko A. V. & Podlesnova, R. I. (2026). The Funeral and Memorial Rites of the Old Believers Living in Kunicha Village (Moldova) from an Ethnolinguistic Perspective. In: *Russian Studies in Philology*, 1, 60–70. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-1-60-70>.

Введение

Старообрядцы села Кунича (Республика Молдова) представляют собой уникальную этноконфессиональную группу, сохранившую в своём обиходе архаичные формы русского языка и традиционной обрядности. Их переселение в Молдову связано с гонениями на приверженцев «старой веры» в результате церковного раскола XVII в., однако точное время появления в нынешней локации и регион исхода остаются дискуссионными. Современные жители Куничи поддерживают дораскольные религиозные обряды и сохраняют сложившийся идиом, что делает их ценным объектом для этнолингвистических исследований. Исследователь Н. В. Абакумова-Забунова отмечает в своей монографии об истории с. Кунича: «Опыт сопротивления репрессивному государственному аппарату, внутренний свободолюбивый дух и изолированное расселение веками вырабатывали у жителей Куничи традиции самоорганизации и самоуправления, а минимизация контактов с окружающим населением (культурная самоизоляция, свойственная всем старообрядческим группам – А. В., Р. П.) вела к консервации традиционной их материальной и духовной культуры, к формированию особых черт семейного и бытового уклада...» [1, с. 4] Примерами работ, описывающих консервацию языка и культуры в условиях иноязычного окружения или изоляции в связи с удалённостью от центров культуры, являются книга О. Г. Ровновой «Старообрядцы Южной Америки: очерки истории, культуры, язы-

ка» [2], коллективная монография исследователей Вологодского государственного университета «Режа: этнолингвистическое описание севернорусского идиома» [3].

Несмотря на существующие работы по говору и культуре куничских старообрядцев [1; 4–7], погребально-поминальная обрядность данной этноконфессиональной группы изучена фрагментарно. Уникальность локальной традиции заключается в:

- сохранении архаичной лексики и ритуальных формул;
- отсутствии влияния молдавского / украинского окружения на обрядовый комплекс;
- слабой документированности диалектных особенностей.

Актуальность исследования состоит в восполнении существующего пробела, этнолингвистическом описании обряда с опорой на полевые данные.

Научная новизна этой работы заключается в том, что анализ нового диалектного материала в системном описании лексики погребального обряда диалекта села Кунича вписывает его в общую картину южнорусских говоров.

Цель статьи – дать этнолингвистическое описание погребально-поминального обряда старообрядцев села Кунича (Молдова), исследовать специфику лексикографической фиксации церковной и народной терминологии ритуала (допогребальные действия, похоронный день, цикл поминовения).

Материал для исследования является результатом собственных (Р. П.) поле-

вых записей в селе июле – августе 2022 и 2023 гг. в формате интервью с местными жителями села Кунича.

В представленном исследовании применены следующие методы:

1) *лингвистический анализ* – обработка диалектной лексики с использованием лексикографического метода;

2) *этнографическая реконструкция* – сопоставление обрядовых особенностей с историческими данными о возможных регионах исхода (труды Н. В. Абакумовой-Забуновой, Л. Л. Касаткина).

Существует несколько версий о **происхождении куничских старообрядцев**.

1. Л. Л. Касаткин относит диалектные черты, характеризующие куничский говор, к Юго-Западной диалектной зоне, а именно к говорам, распространённым на территории Белгородской, Калужской, Смоленской, Брянской, Орловской, Курской и Воронежской областей [5].

2. Н. В. Абакумова-Забунова, следуя устной традиции куничан, говорит о распространённости фамилии *Донцов*, что может быть результатом переселения с казаками в XVIII в. с Дона [1].

Структура погребального обряда

Погребально-поминальный обряд старообрядцев села Кунича представляет собой сложный комплекс ритуальных действий, который можно разделить на три ключевых этапа: подготовка умершего к захоронению, непосредственно похороны и цикл поминовения после погребения.

Допогребальные действия. Подготовка умершего начинается с момента кончины с особым вниманием к ритуальной чистоте и готовности к переходу в иной мир. Важным требованием является исповедь, без которой, как считают старообрядцы, священник не сможет провести погребение: «О том, что касается кончины нашей, страшной и неотвратимой, должны мы заботиться непрестанно и во всякое время».¹ Если человек умер без покаяния, т. е. не был

на исповеди в последние три года, традиционный чин погребения не совершается немедленно: «Если человек умер без исповеди, без покаяния, то не хоронили, до разбира дела. Но потом проходило время, разбиралися, и потом погребение служили. Это отслуживалось не сразу, а определённое время проходило, могло и 20 лет пройти» (2023 г., Попович Т. Л.). При приближении смерти у постели больного читают специальный канон, называемый *отходная*, для чего необходимо получить благословение у священника, а затем найти того, кто будет читать молитву: «Нужно у батюшки благословиться. Потом шукאות, кто будет читать» (2023 г., Попович Т. Л.).

Непосредственно после смерти осуществляются обряды *обмывания* тела, закрытия глаз умершего, что должно быть сделано оперативно, пока тело сохраняет податливость. Для этого на пол в доме умершего стелют солому или чистую клеёнку, устанавливают стул, на который помещают тело. Обмывание производится тёплой водой без мыла, с использованием соломы (сегодня часто губки). Обмывать покойного не могут кровные родственники, эту функцию обычно выполняют соседи. После обряда все использованные предметы (солома, посуда) подлежат уничтожению: «Когда человек умер, надо делать обмывание, потом одеть чистое. Кровным нельзя. Просят тех, кто постарше. В гроб кровные тоже не могут опускать. Когда обмывают, содуют на стуло, плёночку подстилают, надо вообще солому. Раньше соломой мыли, а щас губкой новой. Без мыла, тёплой водичкой. Потом всё это надо спалить. Воды очень мало, она соломой впитывается, потом солому спалить. А посуда должна быть новой, её потом разбивали и уничтожали (закапывали или на речку выбрасывали)» (2023 г., Лысова М. К.). Строго соблюдается гендерное разделение: тело мужчины обмывают мужчины, тело женщины – женщины.

После обмывания на покойника надевают крест с *гайтаном* и *смертёное* – погребальную одежду светлых, предпочтительно белых, тонов. Одежда должна быть

¹ Панихидник. М.: Издание старообрядческой митрополии, 1994. С. 6.

новой и чистой, что символизирует начало новой, блаженной жизни.¹ Женщинам, состоявшим в браке, волосы заплетаются в две косы, укладываемые вокруг головы, девицам – в одну косу. Женщины облачают в длинную, до пят, свободную рубашку белого цвета, символизирующую чистоту перехода в загробную жизнь: «Эта рубашка должна быть только белая. Человек переходит в другую жизнь. Когда человек родится, его крестят во всём белом. Потом он женится, выходит замуж, переходит в другую жизнь, обратно всё белое, а третья загробная жизнь начинается тоже во всём белом» (2022 г., Подлеснова А. И.); а также сарафан (желательно светлый): «Сарафан тоже желательнее светлый, но у кого, что есть, то и приносят, я уже не перебираю, шью» (2022 г., Подлеснова А. И.); сшитые тапочки с носками. Мужчины одеваются в рубашку, брюки, носки и тапочки. Головной убор для женщины зависит от её статуса: на замужних и венчанных надевают чепчик (маленький платок на завязках, кичка) и поверх него белый платок, закрывающий плечи и грудь; невенчанных покрывают только платком: «На покойницу надевают чепчик, именно на тех, кто был замужем и венчанный. А кто не венчанный, если не благословлённый голову покрывать, то только платок» (2022 г., Подлеснова А. И.).

Поверх всей одежды на тело надевают саван – большое белое полотно с вырезами для ног и лица. Руки умершего складывают крестообразно на груди (правая поверх левой), пальцы обеих рук – как для крестного знамения (что является обычным положением рук у старообрядцев при принятии церковных святынь) между средним и безымянным пальцем левой руки помещается лестовка. Саван обвивают лентой трижды, образуя три креста (на груди, бёдрах и коленях). На лоб кладут венчик с тремя крестами и молитвой. Поверх савана кладут крышку – большое полотно, полностью закрывающее тело.

После подготовки тела происходит *вогробположение* – укладывание покойника

в деревянный гроб, который устанавливается лицом к иконам. На грудь кладут крест или икону. Обряд вогробположения может совершаться в любое время, однако «*батюшка вычитывает*» молитвы либо в этот момент, либо перед погребением в церкви: «*У гроб можно положить в любое время, но вогробположение батюшка вычитывает. Может кто-то другой из церкви прийти, только переложить в гроб, а батюшка потом перед погребением в церкви вычитывает молитву*» (2023 г., Лысова М. К.). Весь период до погребения над усопшим непрерывно читают Псалтырь, обычно тремя чтецами, сменяющими друг друга каждые три часа. Могилу начинают копать сразу после смерти, предварительно получив благословение у священника: «*Могилку сразу копают, тоже у батюшки надо благословиться*» (2023 г., Лысова М. К.).

Среди запретов и предписаний, регулирующих погребальные действия, выделяется запрет на оплакивание умершего: «*Оплакивать не принято. Говорят, что нельзя причитать. Если человеку тяжело, он плачет, как же. Но вот так чтобы специально, причитать, голосить, нельзя*» (2023 г., Лысова М. К.); «*Чего не плакать нам? Плакать как бы можно, никто не запрещает, но не голосить, не приговаривать, не причитать, потому что мы же идём о надежды, из этой жизни у тую. Когда идёт погребение, ешь аб етом и у стихерах, и у Апостоле, и у Евангелии, и там написано, что молвити пустошное, зачем вы пустое говорите, покойник говорить вам, что помолитесь за mine. Ето ешь у панафиднике*» (2023 г., Подлеснова А. К.); «Содержание церковного чина погребения не усиливает скорбь, не возбуждает безмерного плача, но вселяет надежду на будущее воздаяние праведным, а нас, грешников, побуждает следовать по их скорбному, но спасительному пути».² Обряд голошения имеет славянские корни. Народная традиция причитаний (голошений) рассматривается как ритуальный акт с магической силой, в них выражается вера

¹ Панихидник. М.: Издание старообрядческой митрополии, 1994. С. 13.

² Там же. С. 19.

в способность причитаний устанавливать связь с умершими; оплакивание строго регламентировано по времени, субъекту и продолжительности, чтобы не навредить ни живым, ни мёртвому: «В вербальном тексте самих голошений есть свидетельства веры в магические свойства этого ритуального акта, в частности в возможность коммуникации с умершим, которого оплакивают, и с умершими раньше родственниками» [8, с. 168]. Таким образом, запрет старообрядцами обряда голошения свидетельствует о том, что в ритуалах они опираются на книжность, а не на устную народную традицию. Этнографические сведения о погребальных традициях восточных славян выделяют причитания в особый обязательный элемент обряда. Так, похороны в украинских сёлах сопровождались причитаниями, «иногда на похороны приглашали плакальщиц»¹, в монографии В. С. Бузина, посвящённой южнорусской обрядности жизненного цикла, выделен целый раздел «оплакивание», содержащий сведения о чёткой жанровой структуре и ритуальной привязке погребального причета, а также – указание на определённые дни, предшествующие и последующие после погребения, в которые должны были звучать данные тексты [9, с. 543].

Кроме того, существует запрет на использование зеркал в доме умершего, при этом зеркала закрывают, «*Отражения покойника чтобы не было, зеркала закрываем*» (2023 г., Лысова М. К.). После похорон стены в комнате, где лежал покойный, белят или красят: «*Потом побелить у хати надо, хотя бы тое место, где человек лежал, когда человек умирает, как будто бы все стены в крови, легенда такая, а фактически не знаю*» (2023 г., Лысова М. К.). Бытует также запрет смотреть на покойника или в дом, где он находится, через окно: при виде процессии необходимо выйти на улицу, помолиться и сказать: «Простите».

Похоронный день. Похоронный день начинается с выноса тела из дома и его

процессии к церкви под пение молитвы «Святый Боже». Важным элементом церковного чина погребения является приношение *кутий* – варёных зёрен пшеницы с мёдом, которая устанавливается на специальном столе с Крестом. *Кутия* символизирует воскресение мёртвых и наслаждение праведных в Царствии Божиим: «Пшеница прообразует собою воскресение мёрвых: как пшеничное семя, брошенное в землю, не погибает, но вновь возрастает и приносит плод, так и жившие в вере и благочестии и погребённые снова воскреснут для жизни вечной. Сладость мёда напоминает о наслаждении и веселии праведных в Царствии Божиим».² В таком важном этапе погребальной обрядности, как вынос тела, также наблюдается аскетизм и лаконичность, не свойственные соседствующей украинской традиции (русское село Кунича практически вплотную граничит с украинским селом Пояна), в которой предпринимается по пути из дома во двор, из двора на улицу целый ряд действий, ритуально нейтрализующих негативное воздействие произошедшей смерти.³

Кульминацией церковного чина является обряд последнего целования. Во время пения *стихеры* все по очереди подходят к гробу, кланяются и целуют умершего в *венчик*. По окончании обряда священник читает разрешительную молитву с листа, называемого *рукописанием*, на котором записывает своё имя и имя усопшего. Сложенный лист помещается в правую руку умершего. Погребальные причитания в Куниче не приняты, более того, считается, что «нельзя причитать» (2023 г., Лысова М. К.).

Поминальная обрядность. После погребения обрядность переходит в фазу поминовения, имеющую чёткую периодизацию. В день похорон по возвращении с кладбища совершаются поминки. В отличие от южнорусской традиции, на могиле не употребляется никакая пища, также в

¹ Бузин В. С. Этнография восточных славян: учебное пособие. 2-е изд., и доп. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История, 2012. С. 121.

² Панихидник. М.: Издание старообрядческой митрополии, 1994. С. 19.

³ Бузин В. С. Этнография восточных славян: учебное пособие. 2-е изд., и доп. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История, 2012. С. 120.

дни поминовения усопших не оставляет-ся на могиле еда [9, с. 602]. Исключением является пасхальное угощение – кулич и крашеные яйца, их оставляют непосредственно в праздничный день после службы, произносят в адрес покойных приветствие: «Христос Воскресе!» Ближе к вечеру дети и неимущие разбирают эти гостинцы, таким образом осуществляется милостыня в память усопшего. Следующими этапами являются обрядовые действия на третий, девятый и сороковой день, которые в Куниче называют *третинки*, *девятинки* и *сорок дней*. Эти дни имеют глубокое символическое значение: поминовение на третий день связано с верой во Святую Троицу, переходом умершего к Триипостасному Божеству и трёхдневному воскресению Христа. Поминки на девятый день совершаются в честь девяти ангельских чинов. Сороковой день поминовения ассоциируется с Вознесением Христа на сороковой день после Воскресения. Помимо этих дат, покойного принято поминать через полгода, а затем ежегодно – *годовищники*. В диалектных словарях южнорусских говоров фиксируются лексемы *девятинны*, *третинны*, в Куниче же бытуют диалектные диминутивные дериваты: *девятинки*, *третинки*.

Лексика поминального обряда

Божница / божничка, венчанный, встрёнутъ, гайтан / гайтанчик, обед, девятинки / девятинны, каганец, кликать, крылос, кут, лампат, лампатик, могилки, небожчик, обмывальщик, петеньё, рукописание, рушник, ряд, саван, смертённый, страва, стряпать, стряння, стряпуха, третинки / третинны, церква.

Отмеченная этнографическая лексика была проанализирована с привлечением сведений существующих словарей южно-русских говоров.¹

Проведённый анализ диалектной лексики, относящейся к погребально-поминальному обряду, позволяет сделать следующие выводы: большая часть проанализированных

словарю. Краснодар: КГУ, 2005. 251 с.; Брянский областной словарь. Брянск: БГУ, 2011. 361 с.; Грязнова В. М. Семантический словарь говора казаков-некрасовцев: с лингвокультурологическим комментарием. Ставрополь: Сервисшкола, 2012. 728 с.; Добровольский В. Н. Смоленский областной словарь. Смоленск: Типография П. А. Силина. 1914. 1022 с.; Кошарная С. А., Алейник А. С., Медведева А. И. Опыт областного словаря белгородчины: дифференциально-сопоставительный. Белгород: Эпицентр, 2017. 300 с.; Ленинов А. К. Донской казачий словарь-лексикон (исторические исследования). Мюнхен: б. и., 1971. 392 с.; Маслов В. Г. Словарь говора Добринки Урюпинского района Волгоградской области. Тула: ТулГУ, 2007. 120 с.; Миртов А. В. Донской словарь: материалы к изучению лексики донских казаков. Ростов-на-Дону: б. и., 1929. 416 с.; Моисеев Б. А. Оренбургский областной словарь. Оренбург: ОГПУ, 2010. 192 с.; Пискунова С. В. Словарь тамбовских говоров (духовная и материальная культура). Тамбов: Изд-во ТГУ, 2002. 281 с.; Попов А. Д. Донское слово Прихоперь: словарь казачьих слов. Волгоград: Принт, 2011. 212 с.; Расторгув П. А. Словарь народных говоров западной брянщины. Минск: Наука и техника, 1973. 296 с.; Ремчуков В. Н. Толковый казачий словарь. М.: Станица-2, 2022. 208 с.; Романов Д. А., Красовская Н. А. Материалы к словарю тульских говоров. Вып. 1–7. Тула: ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2008–2016; Сердюкова О. К. Словарь говора казаков-некрасовцев. Ростов-на-Дону: Ростовский университет, 2005. 320 с.; Словарь брянских говоров. Вып. 1–5. Л., 1976–1988; Словарь воронежских говоров. Вып. 1–3. Воронеж: ВГУ, 2004–2019; Словарь донских говоров Волгоградской области. Вып. 1–6. Волгоград: ВГИПК РО, 2006–2009; Словарь донских говоров Волгоградской области / под ред. Р. И. Кудряшовой. 2-е изд., перераб. и доп. Волгоград: Издатель, 2011. 704 с.; Словарь кубанских говоров. Армавир: РИЦ АГПУ, 2009. 264 с.; Словарь курских говоров. Вып. 1–7. Курск: КГУ, 2004–2021; Словарь могилёвско-смоленских пограничных говоров. Вып. 1–2. 2017–2019; Словарь орловских говоров. Вып. 1–17. Орёл: ОГУ им. И. С. Тургенева, 1989–2016; Словарь русских донских говоров: в 3 т. Ростов н/Д: б. и., 1975–1976; Словарь русских народных говоров. Вып. 1–49. М., Л., СПб.: Наука, 1965–2016; Словарь смоленских говоров. Вып. 1–11. Смоленск, 1974–2005; Словарь тульских говоров. Вып. 1. Тула: ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2015; Тиханов П. Н. Брянский говор: Заметки из области рус. этнологии. СПб: тип. Имп. Акад. наук, 1904. 263 с.; Ткаченко П. И. Кубанский говор: Опыт авторского словаря. М.: Граница, 1998. 240 с.; Хильманович Г. И. Словарь курских народных говоров. Бирск: б. и., 2017. 228 с.

¹ Баженова Т. Е. Лексика самарских говоров: типологическое и лексикографическое описание. Самара: СГСПУ, 2017. 190 с.; Большой толковый словарь донского казачества. М.: АСТ, 2003. 608 с.; Борисова О. Г. Кубанские говоры: материалы к

лексем присутствует в словарях донских, орловских, смоленских и курских говоров и представляется общенародной. Такие лексемы, как *божница, божничка, встренуть, гайтан, гайтанчик, обед, девятинки, девятины, кут, могилки, рушник и церква*, встречаются в большинстве упомянутых региональных словарей. Например, лексемы *божница, божничка, встренуть, гайтан, гайтанчик, кут, могилки и рушник* зафиксированы в значительном количестве словарей, включая словари донских говоров (представленные двумя изданиями с 16 и 13 лексемами соответственно), орловских говоров (14 лексем), смоленских говоров (14 лексем) и курских говоров (12 и 9 лексем в разных словарях). Это свидетельствует о широком распространении данной лексики в указанных регионах. Термины, непосредственно связанные с поминальными датами, такие как *девятинки, девятины и третинки, третины*, также нашли отражение в словарях этих регионов (например, в донских, смоленских и курских говорах).

В диалектных словарях южнорусских говоров фиксируются лексемы *девятинки, третины*, в Куниче же бытуют диалектные диминутивные дериваты: *девятинки, третинки*.

Третинки, мн. Поминки на третий день после смерти: «*Третинки в понедельник будутъ*» (2023 г., Подлеснова А. К., 1961 г. р.); «**Третины**. 1. Поминки по усопшему на третий день. Самар., Новг., Ленингр., Смол., Урал. 2. Поминки через три недели после смерти кого-либо. Смол., Ряз. 3. Обряд омовения коровы святой водой на третий день после отела. Курск»¹; «Третий день после кончины кого-либо, а также поминавание усопшего в этот день»²; «*Третина*. Поминки на третий день по умершим».³

¹ Словарь русских народных говоров. Вып. 45. М.: Л.: СПб.: Наука, 2012. С. 65.

² Словарь донских говоров Волгоградской области. Вып. 5. Волгоград: ВГИПР РО, 2008. С. 381; Словарь смоленских говоров. Вып. 10. Смоленск, 2002. С. 202; Хильманович Г. И. Словарь курских народных говоров. Бирск: б. и., 2017. С. 302.

³ Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 3 / И. И. Срезневский.

Девятинки, мн. Поминки на девятый день после смерти: «*Мы у церкви были, девятинки по Костику служили*» (2023 г., Попович Т. Л., 1965 г. р.); «**Девятины**. 1. Девятый день после смерти. Новг., Перм., Урал. 2. Поминки в девятый день после смерти. Костром., Урал. 3. Девять дней. Самар.»⁴; «Обряд. Девятый день после кончины кого-либо, а также поминавание усопшего в этот день»⁵; «*Девятины*. Поминки по усопшем в девятый день»⁶.

Среди лексики погребально-поминального обряда выделяются диалектизмы, которые можно отнести к семантическим: *могилки, рукописание*.

Могилки. Кладбище: «*На мауилки мы на первый день Паски усе ходим, там стихеры наём*» (2018 г., Подлеснова А. К., 1961 г. р.); «1. Кладбище: «Схоронили на могилках. Уже лежит на могилках». Южн., Зап., Дон., Кубан., Краснодар., Ставроп., Влад., Костром., Петрогр., Смол., Сталингр., Кемер., Ср. Урал, Новосиб., Каз.-Некр., Краснояр., Иркут., Том., Тюмен., Сиб., Брян. 2. Курганы, место старых захоронений, поросшее деревьями. Твер., Пск., Южн., Зап.»⁷; «Кладбище»⁸.

СПб.: Тип. Императорской акад. наук, 1912. С. 991.

⁴ Словарь русских народных говоров. Вып. 7. М.: Л.: СПб.: Наука, 1972. С. 324–325.

⁵ Словарь донских говоров Волгоградской области. Вып. 2. Волгоград: ВГИПР РО, 2007. С. 26; Словарь донских говоров Волгоградской области / под ред. Р. И. Кудряшовой. 2-е изд., перераб. и доп. Волгоград: Издатель, 2011. С. 135; Романов Д. А., Красовская Н. А. Материалы к словарю тульских говоров. Вып. 5. Тула: ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2013. С. 55; Словарь курских говоров. Вып. 3. Курск: КГУ, 2011. Вып. 3. С. 77; Словарь смоленских говоров. Вып. 3. Смоленск: СГПИ, 1982. С. 112; Словарь могилёвско-смоленских пограничных говоров. Вып. 1. Могилёв: МГУ имени А. А. Кулешова, 2017. С. 116; Баженова Т. Е. Лексика самарских говоров: типологическое и лексикографическое описание. Самара: СГСПУ, 2017. С. 54; Словарь воронежских говоров. Вып. 2. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2007. С. 12; Словарь тульских говоров. Вып. 1. Тула: ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2015. С. 199.

⁶ Словарь русских народных говоров. Вып. 4. М.: Л.: СПб.: Наука, 1969. С. 650.

⁷ Словарь русских народных говоров. Вып. 18. М.: Л.: СПб.: Наука, 1982. С. 190.

⁸ Словарь орловских говоров. Вып. 6. Орёл: ОГУ им. И. С. Тургенева, 1995. С. 134; Словарь смоленских говоров. Вып. 6. Смоленск: СГПУ, 2005.

Рукописание, ср. Бумага с молитвой, которую вкладывают в руку покойнику: «Батюшка вычитывает молитву, что вон его духовный отец, прощает его, и рукописание кладёт в руку покойному» (2023 г., Старченкова А. И., 1952 г. р.); «Старинная рукописная книга. Моск.»¹; «Бумага с написанной или напечатанной молитвой, вкладываемая в руку покойника»²; «Духовное завещание».³

В номенклатуре погребально-поминального обряда выделяется этнографический диалектизм *саван*. В Словаре русских народных говоров он фиксируется в несколько ином значении, а в труде И. И. Срезневского значение похоже на бытующее в говоре села Кунича.

Саван, м. Один из элементов одежды в погребальном обряде: «Саван должен

быть белым, это большое шитое полотно ткани с двумя вырезами, для ног и для лица» (2022 г., Старченкова А. И., 1952 г. р.); «1. Погребальная рубашка. Саратов. 2. Погребальный головной убор. Иван.»⁴; «Длинная одежда, надеваемая на умерших».⁵

Термин *саван* как элемент погребального обряда имеет древнерусское происхождение, заимствованное из греческого, а затем из арабского, обозначая «сабанскую ткань».⁶

В говоре села Кунича также используется диалектизм *стихера*, фиксируемый в Словаре русских народных говоров и в Материалах для словаря... И. И. Срезневского.

Стихера. Название богослужебного песнопения: «На Пасху на могилах стихеры Пасхи поём» (2023 г., Попович Т. Л., 1965 г. р.); «**Стихера**, то же что и стихира ср. Выносная стих ира. от греч. στίχηρα Религиозное песнопение при выносе покойника из дома. Р. Урал, 1943»⁷; «*Стихира* = *стихыра* = *стихера*. Название богослужебного песнопения православной церкви».⁸

Заключение

Проведённое исследование погребально-поминального обряда старообрядцев села Кунича (Республика Молдова) позволило описать его ключевые элементы и сопряжённую диалектную лексику и сделать важные выводы относительно степени его сохранности, уникальных черт. Работа с материалом показала опору на книжность,

С. 101; Словарь донских говоров Волгоградской области. Вып. 3. Волгоград: ВГИПК РО, 2007. С. 353; Баженова Т. Е. Лексика самарских говоров: типологическое и лексикографическое описание. Самара: СГСПУ, 2017. С. 54; Моисеев Б. А. Оренбургский областной словарь. Оренбург: ОГПУ, 2010. С. 95; Словарь донских говоров Волгоградской области / под ред. Р. И. Кудряшовой. 2-е изд., перераб. и доп. Волгоград: Издатель, 2011. С. 405; Ремчуков В. Н. Толковый казачий словарь. М.: Станица-2, 2007. С. 84; Миртов А. В. Донской словарь: материалы к изучению лексики донских казаков. Ростов-на-Дону: б. и., 1929. С. 186; Грязнова В. М. Семантический словарь говора казаков-некрасовцев с лингвокультурологическим комментарием. Ставрополь: Сервисшкола, 2011. С. 377; Большой толковый словарь донского казачества. М.: АСТ, 2003. С. 284; Добровольский В. Н. Смоленский областной словарь. Смоленск: Типография П. А. Силина, 1914. С. 414; Брянский областной словарь. Брянск: б. и., 2011. С. 200; Расторгуев П. А. Словарь народных говоров западной брянщины. Минск: Наука и техника, 1973. С. 161.

¹ Словарь русских народных говоров. Вып. 35. М.: Л.: СПб.: Наука, 2001. С. 253–254.

² Словарь донских говоров Волгоградской области. Вып. 6. Волгоград: Изд-во ВГИПК РО, 2009. С. 95; Словарь донских говоров Волгоградской области / под ред. Р. И. Кудряшовой. 2-е изд., перераб. и доп. Волгоград: Издатель, 2011. С. 521; Словарь орловских говоров. Вып. 12. Орёл: ОГУ им. И. С. Тургенева, 2001. С. 212; Романов Д. А., Красовская Н. А. Материалы к словарю тульских говоров. Вып. 6. Тула: ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2014. С. 149.

³ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 3. СПб.: Тип. Императорской акад. наук, 1912. С. 195.

⁴ Словарь русских народных говоров. Вып. 36. М., Л., СПб.: Наука, 2002. С. 13.

⁵ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 3. СПб.: Тип. Императорской акад. наук, 1912. С. 239.

⁶ Шанский Н. М., Боброва Т. А. Этимологический словарь русского языка. М.: Прозерпина, 1994. С. 280.

⁷ Словарь русских народных говоров. Вып. 41. М., Л., СПб.: Наука, 2007. С. 165.

⁸ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 3. СПб.: Тип. Императорской акад. наук, 1912. С. 514.

а не на народность в таком важном для человека этапе, как уход из жизни.

Уникальность обряда проявляется в строгой регламентации допогребальных действий, таких как необходимость исповеди, чтение «отходной», специфическое обмывание тела с использованием соломы и последующим уничтожением предметов, а также соблюдение гендерных норм. Строгие запреты на демонстративное оплакивание (голошение) и требование побелки стен после похорон подчёркивают глубокую приверженность древним традициям, отражающую представление о сакральной чистоте. Все ритуальные действия опираются на церковные предписания, постоянное цитирование книжных источников в описании обряда свидетельствует о стремлении максимально избежать действий, продиктованных суеверием. «Старообрядцы продолжили традиции книжников Древней Руси, сохранив особое отношение к книге и тексту, близкое к их сакрализации» [10, с. 20]. С этнолингвистических позиций это стремление к книжности отражается в специфике лексики обряда: употреблении терминов, связанных с церковными песнопениями (*стихёра*) и документами (*рукописа́ние*), использовании диминутивных дериватов (*третинки*, *девятинки*) как этнолингви-

стических данных, которые отличают говор от соседних традиций.

Перспективы дальнейшего изучения говора и культуры старообрядцев Куничи представляются в проведении сопоставительного анализа выявленной обрядовой лексики и ритуальных практик с другими старообрядческими группами как на территории Молдовы, так и в России или за её пределами (Южной Америке, Эстонии и т. д.), что позволит выявить общие закономерности и уникальные региональные особенности. Наблюдаемая специфика обрядового комплекса старообрядцев Куничи позволяет сделать предположение о высокой степени сохранности архаичных форм и традиционных ритуальных предписаний. В связи с этим дальнейшей перспективой нам видится рассмотрение, как конфессиональная и социальная замкнутость группы, выраженная в предпочтительном следовании дораскольным обычаям и осторожном отношении к «чужим» обрядовым элементам, могла сыграть ключевую роль в консервации языка и обрядности, минимизируя, по всей видимости, влияние как молдавского / украинского окружения, так и неканонических обрядовых действий, бытующих на южнорусской территории предполагаемого исхода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абакумова-Забунова Н. В. Кунича древлеправославная. Кишинёв: Tipografia Centrală, 2020. 592 с.
2. Ровнова О. Г. Старообрядцы Южной Америки: очерки истории, культуры, языка. 2-е изд. М.: ЯСК, 2022. 608 с.
3. Режа: этнолингвистическое описание севернорусского идиома / науч. ред. Л. Ю. Зорина. Вологда: Вологодский государственный университет, 2024. 273 с.
4. Абакумова-Забунова Н. В. Кунича: к вопросу о возникновении старообрядческого посёлка // Липоване: история и культура русских старообрядцев. Вып. 10. Одесса: Б. и., 2013. С. 47–56.
5. Касаткин Л. Л. Русский говор села Кунича Флорештского района Молдавии // Касаткин Л. Л. Избранные труды. Т. II. М.: ЯСК, 2018. С. 153–187.
6. Тудосе В. Особенности речи жителей русского села Кунича в Молдавии // Старообрядцев Молдовы живое слово. Кишинев: Б. и., 2003. С. 153–163.
7. Зайковская Т. В. Старообрядцы республики Молдова: сохранение традиций семейной обрядности (венчально-свадебные обряды) // Трансформация социальных коммуникаций в эпоху глобализации: сборник статей международной научно-практической конференции (Орёл, 6 декабря 2024 г.). Орёл: Горизонт, 2025. С. 39–50.
8. Пильникова А. Ю. Обрядовое голошение: на примере южнорусской песенной традиции // АММОСОВ-2023: сборник материалов общеуниверситетской научной конференции (Якутск, 27 апреля 2023 г.). Якутск: Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова,

2023. С. 168–169.

9. Бужин В. С. Рождение, вступление в брак и смерть в традиционной южнорусской обрядности (Липецкая, Тамбовская, Пензенская области): материалы и исследования. СПб.: Нестор-История, 2015. 640 с.
10. Гурьянова Н. С. Канон священных текстов у старообрядцев и организация религиозной жизни общин // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2023. № 8. С. 20–31. DOI: 10.25205/1818-7919-2023-22-8-20-31.

REFERENCES

1. Abakumova-Zabunova, N. V. (2020). *Kunicha Old Orthodox*. Chisinau: Tipografia Centrală publ. (in Russ.).
2. Rovnova, O. G. (2022). *Old Believers of South America: Essays on History, Culture, and Language*. Moscow: YASK publ. (in Russ.).
3. Zorin, L. Yu. (2024). *Reja: Ethnolinguistic Description of the Northern Russian Idiom*. Vologda: Vologda State University publ. (in Russ.).
4. Abakumova-Zabunova, N. V. (2013). Kunicha: On Emergence of the Old Believer Settlement. In: *Lipovanie: History and Culture of Russian Old Believers*. Iss. 10. Odessa, pp. 47–56 (in Russ.).
5. Kasatkin, L. L. (2018). *Russian Dialect of the Village of Kunicha, Floresti District, Moldova*. Vol. 2. Moscow: YASK publ., pp. 153–187 (in Russ.).
6. Tudose, V. (2003). Speech Features of Residents of the Russian Village on the Example of Kunicha in Moldova. In: *The Living Word of Old Believers of Moldova*. Chisinau, pp. 153–163 (in Russ.).
7. Zaikovskaya, T. V. (2025). Old Believers of the Republic of Moldova: Preservation of Family Rituals Traditions (Wedding Ceremonies) In: *Transformation of Social Communications in the Era of Globalization: Collection of Articles from the International Scientific and Practical Conference (Orel, December 6, 2024)*. Orel: Gorizont publ., pp. 39–50 (in Russ.).
8. Pilnikova, A. Yu. (2023). Ritual Singing: On the Example of the Southern Russian Song Tradition. In: *AMMOSOV-2023: Collection of Materials from the All-University Scientific Conference (Yakutsk, April 27, 2023)*. Yakutsk: Ammosov North-Eastern Federal University publ., pp. 168–169 (in Russ.).
9. Buzin, V. S. (2015). *Birth, Marriage, and Death in Traditional Southern Russian Rituals (Lipetsk, Tambov, Penza Regions): Materials and Research*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya publ. (in Russ.).
10. Guryanova, N. S. (2023). The Sacred Texts Canon Among the Old Believers and the Organization of Religious Life of Communities. In: *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 8, 20–31. DOI: 10.25205/1818-7919-2023-22-8-20-31 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Войтенко Анна Викторовна (г. Москва) – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры славистики, общего языкознания и культуры коммуникации Государственного университета просвещения;

ORCID: 0009-0009-7502-2515; e-mail: avoy@yandex.ru

Подлеснова Руфина Ивановна (г. Москва) – старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана, старший преподаватель подготовительного отделения Московского государственного лингвистического университета;

ORCID: 0009-0006-8456-8497; e-mail: rufin.popowi4@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anna V. Voitenko (Moscow) – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Assoc. Prof., Department of Slavic Studies, General Linguistics and Culture of Communication, Federal State University of Education;

ORCID: 0009-0009-7502-2515; e-mail: avoy@yandex.ru

Rufina I. Podlesnova (Moscow) – Senior Lecturer, Department of Russian as a Foreign Language, Bauman Moscow State Technical University; Senior Lecturer, Preparatory Department, Moscow State Linguistic University;

ORCID: 0009-0006-8456-8497; e-mail: rufin.popowi4@yandex.ru